Борисовъ, В.

„Исторіографическое описаніе

о

Казанской губерніи"

Капитона Милковича.

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1898.

„Исторіографическое описаніе

о

Казанской губерніи"

Капитона Милковича.

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1898.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Секретарь *Н. Петровскій.*

Отд. оттискъ изъ Изв. Общ. Арх. Ист. и Этн. Т. XIV, вып. 5.

„Исторіографическое описаніе о Казанской губерніи“

Капитона Милковича.

„Весьма важные рукописные матеріалы для исторіи нашего края могутъ быть найдены и въ такихъ учрежденіяхъ, отъ которыхъ ожидать этого было бы трудно, такъ, напр., профессоръ московскаго университета А. С. Павловъ сообщилъ мнѣ, что въ библіотекѣ СПБ. Духовной Академіи (№ 315) хранится составленное въ прошедшемъ столѣтіи Историческое описаніе Казанской губерніи съ картою“.—Такъ, между прочимъ, говорилъ проф. С. М. Шпилевскій на первомъ годичномъ собраніи нашего общества, опредѣляя въ своей рѣчи програму дѣятельности Казанскаго Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи [1]. Заинтересованный приведенной цитатой, я, будучи нынѣшней зимой въ Петербургѣ, рѣшился ознакомиться съ памятникомъ, указываемымъ проф. Шпилевскимъ, и опредѣлить его значеніе въ числѣ другихъ источниковъ мѣстной исторіи. Благодаря любезному содѣйствію г. директора Археологическаго Института, проф. Н. В. Покровскаго, мнѣ удалось получить разрѣшеніе отъ Преосвященнаго Іоанна, епископа Нарвскаго, ректора СПБ. Духовной Академіи, — заниматься въ библіотекѣ Академіи, въ частности,—

[1]) С. М. Шпилевскій, О задачахъ дѣятельности Казанскаго Общ. Арх., Ист. и Этногр. К. 1884 г., стр. 24.

изученіемъ заинтересовавшаго меня памятника. Разсмотрѣвъ и познакомившись съ нимъ, я убѣдился, что свѣдѣнія, сообщаемыя проф. Шпилевскимъ, не совсѣмъ точны. Отчасти поэтому, отчасти же потому, что, насколько мнѣ извѣстно, это „Описаніе" вовсе неизвѣстно, такъ какъ, кромѣ указанія проф. Шпилевскаго, мнѣ нигдѣ не приходилось встрѣчать ссылокъ на него, я рѣшился предложить Вашему вниманію мои наблюденія, вынесенныя изъ знакомства съ этимъ, во всякомъ случаѣ, любопытнымъ произведеніемъ.

Полное и точное заглавіе разсматриваемаго произведенія таково: „Исторіографическое описаніе о Казанской губерніи, что прежде было царство Болгарское, потомъ Казанское, о первобытномъ и нынешнемъ ея состояніи, о городахъ и о мѣстахъ въ древности знамѣнитыхъ и примѣчанію подлѣжащихъ, о царствовавшихъ тамо въ прежнія времена Болгарскихъ Царяхъ и Ханахъ, собранное изъ разныхъ Татарскихъ манускриптовъ, исторій и словесныхъ преданій, живущихъ въ Казанской губерніи народовъ отъ ихъ предковъ имъ преданныхъ, такъ же и о найденныхъ во время межеванія и описи корабельныхъ лѣсовъ на мѣстахъ въ развалинахъ по ныне еще существующихъ остаткахъ каменныхъ зданій, о разныхъ земляныхъ укрепленіяхъ, и о подъятыхъ подвигахъ въ возведеніи наверхъ щастія и блаженства сей губерніи, въ прежнія и новѣйшія времена, Россійскими Монархами, а особливо въ томъ участвовавшими въ Богѣ почивающими Императорами Петромъ Великимъ и подражателемъ великихъ дѣлъ его премудрымъ Монархомъ Павломъ Первымъ, — сочиненное Уфимскаго лѣснаго стата землемѣромъ титулярнымъ совѣтникомъ Мильковичемъ, 1804 года, въ свободныя часы отъ ево должности".

„Описаніе", заглавіе котораго мною было сейчасъ приведено, хранится въ библіотекѣ, дѣйствительно, подъ № 315 и представляетъ изъ себя рукопись въ 4-ку, на 127 страни-

цахъ, писанную на синей бумагѣ скорописью; оно заключено въ папку, обтянутую зеленой шелковой матеріей. Въ концѣ приложенъ особый листъ, 14 в. длины и 11—ширины, на которомъ находится раскрашенный планъ Казани и осады ея въ 1552 году русскими войсками [1]).

Трудъ свой авторъ посвятилъ Амвросію, митрополиту Новгородскому, С.-Петербургскому, Эстляндскому и Финляндскому, прежде этого бывшему, какъ извѣстно, архіепископомъ Казанскимъ. Въ этомъ посвященіи онъ, между прочимъ, слѣдующимъ образомъ оправдываетъ появленіе по свѣтъ своего сочиненія: „Не распространяюсь,—говоритъ онъ,—изъясненіемъ тѣхъ случаевъ и причинъ, по которымъ многія достопамятныя человѣческія дѣянія въ вѣчномъ остаются забвеніи: поелику не одна ѣдкость всепожирающаго времени дѣйствуетъ надъ трудами человѣческими, но иногда небреженіе потомства не меньше въ томъ участвуетъ; хотя сіе столь краткое сочиненіе мое,—продолжаетъ далѣе авторъ,—для Монарховъ, безсмертную славу стяжавшихъ толикимъ попеченіемъ о благоденствіи своихъ подданныхъ, есть малою жертвою; но будетъ къ грядущему потомству провозвестникомъ истинной къ нимъ благодарности". Изъ этого же посвященія видно, что Милковичъ предполагалъ поднести экземпляръ своего сочиненія императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, но исполнилъ ли онъ это намѣреніе, или нѣтъ,—неизвѣстно.

Покончивъ съ внѣшнимъ, такъ сказать, описаніемъ памятника, я позволю себѣ перейти къ разсмотрѣнію его внутренняго содержанія.

Здѣсь, прежде всего, нужно замѣтить, что заглавіе не вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію: оно уже послѣдняго. Казанская губернія въ сочиненіи Милковича нашла себѣ описаніе не только въ историческомъ отношеніи, какъ то зна-

[1]) См. «Описаніе 432-хъ рукописей, принадлежащихъ СПБ. Дух. Акад. и составляющихъ ея первое по времени собраніе», составленное А. Родосскимъ; СПБ. 1894 г., стр. 316.

чится по заглавію, но и въ отношеніяхъ экономическомъ, этнографическомъ и естественномъ. Это видно будетъ изъ ближайшаго ознакомленія съ содержаніемъ труда Милковича.

I. Почти половина сочиненія, а именно первыя 60 страницъ, посвящена центру губерніи, городу Казани.

Описаніе Казани начинается краткимъ историческимъ очеркомъ города (стр. 1—5), въ которомъ разсказывается объ его основаніи [1]); далѣе описываются границы бывшаго казанскаго царства; завоеваніе Казани войсками князя Василія Дмитріевича въ 1395 году (?); построеніе, 40 лѣтъ спустя, новой Казани царемъ Улу-Ахметомъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ Федоровскій монастырь („остатки валовъ, рвовъ и осыпей понынѣ еще видны", прибавляетъ авторъ); вторичное взятіе Казаны вел. кн. Іоанномъ Васильевичемъ въ 1487 году и посаженіе на царство „изъ руки" великаго князя—царя Шигъ-Алея; наконецъ, послѣдній штурмъ и занятіе Казани царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ [2]).

Любопытенъ разсказъ автора о посѣщеніи Казани Петромъ I (стр. 5—9). Какъ спеціалиста, его очень интересуетъ, повидимому, извѣстный указъ царя — преобразователя о заповѣдныхъ лѣсахъ; по крайней мѣрѣ, въ своемъ описаніи пребыванія Петра въ Казани онъ главнымъ образомъ останавливается на слѣдующемъ случаѣ съ этимъ указомъ. Сенатское увѣдомленіе о состоявшемся распоряженіи относительно лѣсовъ получено было Казанской Адмиралтейской конто-

---

[1]) Основаніе Казани авторомъ относится ко времени «около 1250 года» и приписывается хану Алтынъ-Беку; впрочемъ, авторъ сейчасъ же противорѣчитъ себѣ въ слѣдующихъ словахъ: «о основателѣ ея (т. е. Казани) исторіи—писатели между собою не согласны; но болѣе начало города Казани приписываютъ ординскому или болгарскому царю Батыю»; ср. прилож. I, стр. 11.

[2]) Въ данномъ случаѣ мнѣнія автора разнообразны: здѣсь онъ относитъ этотъ штурмъ къ 1558 г., на стр. 25 — къ 1554 г., въ припискѣ къ плану (см. ниже) годъ вѣренъ—1552. Вообще, нужно замѣтить, что историческая часть—самая слабая въ «Описаніи» Милковича, что, конечно, понятно вполнѣ.

рой 6 іюня 1722 г. Запрещая рубить заповѣдные лѣса, въ указѣ разрѣшался лѣсной промыселъ для башкиръ и другихъ инородцевъ за указанными предѣлами заповѣдныхъ лѣсовъ.

Однако, государь взглянулъ на это иначе и по полученномъ сенатскомъ указѣ, сохранявшемся въ цѣлости еще въ то время, какъ авторъ писалъ свою работу, положилъ такую резолюцію, „въ пополненіе", по выраженію Милковича: „не рубить и далѣе указнаго мѣста, понеже не вездѣ можно усмотрѣть, того ради зайдутъ и въ указное мѣсто". Эта резолюція Петра прибавляетъ еще одну черту къ характеристикѣ регламентаторской дѣятельности великаго царя [1]). Изъ сочиненія же Милковича узнаемъ, каково было практическое осуществленіе строгаго распоряженія, грозившаго смертною казнью за срубку дуба: оказывается, что жизнь брала свое, и указъ соблюдался плохо: „Башкирцы, говоритъ Милковичъ, дѣлаютъ въ лучшихъ дубахъ для пчелъ борти, переводятъ лѣса отдаваніемъ ихъ изъ платы на жженіе поташу, продаютъ брусьями; такъ какъ и прочіе коронпаго вѣдомства поселяня напредъ сего дѣлали, и нынѣ по описѣ лѣсоописателей дѣйствительно нашлось, что по рѣкамъ Арѣ и прочимъ, значущимся въ сказанномъ указѣ Е. И. В. Петра Великаго, *ни единаго дерева*, годнаго къ кораблестроенію, не найдено; да и благонадежные къ кораблестроенію лѣса почти всѣ истреблены, и гдѣ были оные, тутъ уже нынѣ находятся пашни и одни только оставшіеся на нихъ пни, доказывающіе прежнее бытіе корабельныхъ лѣсовъ".

Далѣе авторъ коротко разсказываетъ о страшномъ пожарѣ 1764 г., опустошившемъ бо́льшую часть города; о посѣщеніи Казани Императрицею Екатериною II въ 1767 г., о разореніи города Пугачевымъ въ 1774 г. (стр. 9—10).

Стр. 10—21 заняты описаніемъ пребыванія въ Казани Императора Павла I въ 1798 г. Описаніе это сдѣлано въ

---

[1]) См. П. С. З. т. VI, № 3593; здѣсь сенатскій указъ датированъ 27 мая 1720 года.

очень напыщенномъ и искусственно приподнятомъ тонѣ. Въ особую заслугу Павлу Милковичъ ставитъ превращеніе имъ башкирцевъ изъ номадовъ въ осѣдлыхъ и „приспособленіе ихъ къ хлѣбопашеству исправниками и учрежденными надъ ними начальниками".

Этимъ заканчивается историческій очеркъ города Казани. Затѣмъ авторъ переходитъ къ описанію географическаго положенія города (стр. 21—22), казанской крѣпости (стр. 22—24) [1]), каменныхъ зданій въ ней (стр. 24—30) [2]), монастырей (стр. 30—33), приходскихъ церквей (стр. 33—37) [3]), каменныхъ казенныхъ зданій (стр. 37—39), деревянныхъ (стр. 39—40) [4]), гостиннаго двора и другихъ торговыхъ рядовъ (стр. 40—41), торговли и промышленности Казани (стр. 42—47), устройства пристани въ весеннее и меженное время (стр. 47—49), базаровъ (стр. 50), гуляній на Арскомъ полѣ на Ѳоминой и Троицкой недѣляхъ (стр. 50—51) [5]), улицъ и частей города (стр. 52—53) [6]), садовъ и рощъ (стр. 54), населенія города по занятіямъ (стр. 55) [7]), его водоснабженія (стр. 56), занятій жителей Казани (стр. 57) и, наконецъ, пригородныхъ слободъ и порохового завода (стр. 57—60).

---

[1]) Крѣпость въ началѣ XVIII ст. имѣла, по описанію, 4 башни и 5 воротъ: Спасскія, Преображенскія, Никольскія, Воскресенскія и Дмитріевскія.

[2]) Въ крѣпости, во время автора, видны были еще стѣны и остатки дворца бывшихъ казанскихъ хановъ; тамъ въ то время находилась гарнизонная школа.

[3]) Ихъ было тогда числомъ 30.

[4]) Частныхъ домовъ въ то время считалось: каменныхъ—149, деревянныхъ—2482.

[5]) Гулянья эти, по мнѣнію Милковича, ведутъ свое начало отъ татарскихъ весеннихъ празднествъ на Арскомъ полѣ еще въ эпоху самостоятельнаго существованія Казани.

[6]) Тогда значилось—15 большихъ улицъ, 77—малыхъ, 6—базаровъ и 4 площади.

[7]) Число купцовъ, мѣщанъ и цеховыхъ опредѣлено общей цифрой—до 5 т. душъ мужского пола.

II. Второй отдѣлъ сочиненія (стр. 61—74) содержитъ въ себѣ свѣдѣнія, — нужно замѣтить, очень краткія, — объ уѣздныхъ городахъ Казанской губерніи: о времени ихъ построенія, о внѣшности ихъ, о церквахъ, находящихся въ нихъ, о занятіяхъ ихъ жителей, о ярмаркахъ, имѣющихъ мѣсто въ нихъ, о пристаняхъ и т. п., однимъ словомъ, повторена, только въ миніатюрѣ, та же программа изложенія, которую мы разсмотрѣли въ первомъ отдѣлѣ труда Милковича.

Изъ историческихъ свѣдѣній, сообщаемыхъ авторомъ относительно уѣздныхъ городовъ, мы остановимся только на двухъ, изъ которыхъ одно касается г. Цивильска, а другое— г. Ядрина. Объ основаніи Цивильска Милковичъ приводитъ слѣдующее преданіе: „Построенъ, какъ первоначальные жители сихъ мѣстъ, извѣстные подъ названіемъ чувашъ, увѣряютъ, что по словесному преданію отъ ихъ предковъ имъ извѣстно, въ древности жилъ тутъ ихъ чувашской князь, называемый Пулатъ, который, не пожелавъ быть подъ вѣденіемъ города Чебоксаръ, уступить въ преимуществѣ своимъ прочимъ князьямъ, ѣздить почасту въ оный городъ и давать о своихъ туда пріѣздахъ отчетъ, испросивъ позволеніе у царя Іоанна Васильевича, построилъ городъ, куда Его Величество (sic) повелѣли отправить воеводу и учредить тамъ земское правленіе. Напослѣдокъ князь Пулатъ, выведя жителей изъ деревни Сюрбеевой, поселилъ ихъ отъ города въ 12 верстахъ, а прочія деревни Сюрбеевы, которыя построенію города не мѣшали, оставилъ на своихъ мѣстахъ, и отъ нихъ сей городъ на чувашскомъ языкѣ получилъ свое наименованіе Сюрея Хола, каковое удержалъ и понынѣ“.

Извѣстіе о г. Ядринѣ относится къ позднѣйшему времени, именно,—ко времени бунта Пугачева: „Сей городъ,— замѣчаетъ Милковичъ,—славится жителями, которые, во время нападенія бывшаго врага отечества съ немалымъ числомъ подлаго народа и сообщниками своими въ 1774 году, храбро защитились и отстояли городъ. Изъ нихъ купецъ Засыпкинъ, прибравъ къ себѣ болѣе сорока человѣкъ, имѣя *собственныя свои* мортиру, пушки и прочее огнестрѣльное оружіе, здѣлалъ

изъ города противъ бунтовщиковъ выласку, разбилъ ихъ толпы, спасъ городъ отъ большого опустошенія и раззоренія; за что Е. И. В. Екатериною II, какъ купецъ Засыпкинъ жалованъ былъ шпагою, такъ и прочіе бывшіе съ нимъ разными вещами".

Въ этомъ разсказѣ достоинъ замѣчанія герой его — купецъ Засыпкинъ, умѣвшій соединять въ себѣ такія двѣ крайности, какъ мирное и военное дѣло, и имѣвшій даже свою собственную артиллерію.

III. Въ слѣдующемъ отдѣлѣ, третьемъ, авторъ даетъ описаніе монастырей, находящихся въ Казанской губерніи, въ частности,—въ уѣздахъ: казанскомъ, чебоксарскомъ, царевококшайскомъ и свіяжскомъ (стр. 74—86).

IV. Довольно интересныя свѣдѣнія заключаются въ четвертой части сочиненія Милковича, озаглавленной—„Примѣчанію подлѣжащія мѣста" (стр. 86—108). Здѣсь сказался археологъ-любитель: видимо, автора интересовали малѣйшіе слѣды, оставшіеся отъ пребыванія человѣка въ какомъ либо мѣстѣ, такъ какъ онъ старается, насколько возможно, полнѣе и точнѣе собрать относящіяся сюда данныя. Добросовѣстность его доходитъ до того, что во многихъ случаяхъ онъ опредѣляетъ саженями разстояніе городища отъ какого нибудь пункта мѣстности. Въ виду значительнаго интереса этой части, а также въ виду того, что она наиболѣе любопытна для насъ изъ всего труда Милковича, я прилагаю ее къ своей замѣткѣ цѣликомъ [1]).

V. Наконецъ, послѣдній, пятый, отдѣлъ очень разнообразенъ по содержанію: здѣсь говорится о металлахъ, находящихся въ предѣлахъ губерніи (стр. 108—110); о жизни помѣщиковъ (между прочимъ,—о театрѣ помѣщика Еспиова въ с. Юматовѣ) (стр. 110—111); о рѣкахъ, протекающихъ по губерніи, и рыбахъ, водящихся въ нихъ (стр. 111—116); о

---

[1]) См. приложеніе I.

почвѣ казанской губерніи (стр. 116—117): о лѣсахъ; звѣряхъ и птицахъ, встрѣчающихся въ ней (стр. 117—119).

Послѣднія страницы (119—127)—этнографическаго содержанія: на нихъ описываются священныя рощи инородцевъ и ихъ жертвоприношенія; затѣмъ — бытъ вотяковъ, чувашъ, татаръ и черемисъ.

Таково содержаніе „Исторіографическаго описанія“ Капитона Милковича. Какъ на основную черту этого описанія, должно указать на его краткость, доходящую въ нѣкоторыхъ случаяхъ до лаконичности; но иначе и быть не можетъ: на 127 страницахъ авторъ намѣревался дать всесторонній очеркъ такой обширной губерніи, какъ Казанская. Что касается до того, какое мѣсто должно удѣлить „Описанію“ Милковича въ ряду другихъ памятниковъ, относящихся къ тому же предмету, то это мѣсто опредѣляется уже самымъ назначеніемъ „Описанія“, не имѣвшаго въ глазахъ самого автора значенія *ученаго* труда, а лишь работы, предпринятой съ извѣстною цѣлью „въ свободные часы отъ должности“. Съ этой точки зрѣнія, трудъ Милковича цѣненъ, насколько онъ представляетъ результатъ *личныхъ* наблюденій, *личныхъ* изслѣдованій его автора [1]).

Въ заключеніе, нѣсколько словъ о планѣ, приложенномъ, какъ замѣчено выше, къ „Описанію“ Милковича.

Планъ, какъ заявляетъ авторъ, представляетъ „расположеніе древняго города Казани, которое она дѣйствительно имѣла въ 1552 году“, и составленъ на основаніи „древнихъ манускриптовъ, преданій и прилежнѣйшихъ изслѣдованій на мѣстахъ еще находимыхъ малыхъ остатковъ“. Планъ этотъ—

---

[1]) При составленіи своего «Описанія» Милковичъ пользовался нѣкоторыми пособіями; такъ, встрѣчаемъ ссылки на «Скиѳскую исторію» (стр. 3, 93), Исторію Татищева (стр. 93), Опытъ Казанской исторіи (ibid.), «Исторію Казанскихъ татаръ» (стр. 99), россійскихъ лѣтописцевъ (стр. 2), и, наконецъ, на какіе то невѣдомые «татарскіе манускрипты».

не подлинный; это уменьшенная копія съ плана, „каковой отыскаться могъ въ Семіозерной пустынѣ по смерти Преосвященнѣйшаго митрополита Веніамина“ [1]).

Разсматриваемый планъ, отличающійся, — кстати замѣтимъ, — тою отчетливостью и изяществомъ, которые характеризуютъ собою подобныя работы прошлаго столѣтія, и замѣчательный образецъ которыхъ имѣется въ библіотекѣ нашего университета въ видѣ рукописной карты Казанской губерніи, —планъ этотъ заслуживаетъ тѣмъ болѣе вниманія изслѣдователей, что вообще плановъ древней Казани извѣстно очень мало.

Покойный Зарнискій, рѣшая вопросъ о топографическомъ расположеніи Казани XVI вѣка, имѣлъ въ виду всего два плана, Фонъ-Каница и проф. Суровцева, но и тотъ и другой имъ были признаны несостоятельными [2]). Извѣстно, что авторъ „Очерковъ древней Казани“ отнесся отрицательно къ мнѣнію о включеніи средняго теченія Булака въ черту казанской крѣпости и въ своемъ планѣ осады Казани войсками Грознаго въ 1552 году онъ проводитъ черту, означающую стѣну казанскаго посада, лишь по одному правому берегу Булака [3]). Между тѣмъ, на планѣ Милковича все почти теченіе Булака, отъ выхода его изъ Кабана и до впаденія въ р. Казанку, показано въ чертѣ городской обороны, и даже на лѣвой сторонѣ Булака обозначено четверо крѣпостныхъ воротъ: Тюменскія, Аталыковы (у автора—Аталыновы), Крымскія и Царевы. Разумѣется, указывая на значеніе плана Милковича, я далекъ отъ мысли, что этотъ планъ можетъ уничтожить результаты весьма тщательныхъ и точныхъ изслѣдованій о. Зарнискаго. Объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Но тѣмъ не менѣе игнорировать его совершенно—врядъ ли

---

[1]) См. приложеніе II

[2]) Зарнискій, Очерки древней Казани, преимущественно XVI вѣка. К. 1877 г., стр. 170—171 и слѣд.

[3]) Зарнискій, op. cit., стр. 182; см. планъ, приложенный къ сочиненію о. Зарнискаго.

возможно, особенно если бы случай помогъ отыскать подлинникъ, принадлежавшій, какъ заявляетъ Миловичъ, покойному казанскому архипастырю—митрополиту Веніамину [1]).

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

„Примѣчанію подлѣжащія мѣста".

„Въ Казанскомъ уѣздѣ" [2]).

„Въ 45 верстахъ отъ города [3]), по Арской дорогѣ, въ дачѣ деревни Князь Кашаевой, на нагорномъ берегу р. Казанки, видны признаки бывшаго въ прежнія времена землянаго укрепленія и жилища, уже заросшаго лѣсомъ, которое по татарски называется *Искей-Казань*, т. е. старая Казань. Сіе самое и имѣющіеся у прежнихъ жителей Казани на татарскомъ языкѣ манускрипты свидѣтельствуютъ, что, точно, наономъ мѣстѣ въ древности Казань была построена самовладѣтельнымъ ханомъ, имянуемымъ Шигали-Ханъ, которой имѣлъ тутъ свою резиденцію, а потомъ и отъ него произшед-

---

[1]) Упоминаемый здѣсь митрополитъ Веніаминъ былъ казанскимъ владыкой съ 25 іюля 1762 г. по 17 марта 1782 г. Этотъ Веніаминъ, мірская фамилія котораго было Пуцекъ-Григоровичъ, впервые прибылъ въ Казань въ 1733 г., вызванный изъ Кіевской академіи тогдашнимъ казанскимъ архіепископомъ Иларіономъ Рогалевскимъ; въ 1744 г. былъ сдѣланъ архимандритомъ Спасскаго монастыря въ Казани, въ каковомъ званіи пребывалъ до 1746 г., когда, вызванный въ Петербургъ, былъ назначенъ въ 1748 г. епископомъ нижегородскимъ; затѣмъ онъ переходилъ постепенно въ епархіи тверскую, псковскую, петербургскую и, наконецъ, въ 1762 г. снова вернулся въ Казань, гдѣ управлялъ паствой до 1782 г.; уволенный на покой въ Семіозерную пустынь, онъ скончался тамъ въ 1783 г. Современники отзываются о немъ, какъ о «наукъ и ученыхъ людей любителѣ».—см. Строевъ. Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Россійскія церкви. СПБ. 1877 г. стр. 289; Платонъ Любарскій, Сборникъ древностей казанской епархіи и проч., 1782 г. Каз. 1863 г., стр. 49, 107—115.

[2]) «Описаніе», стр. 86—89.

[3]) т. е. отъ Казани.

шіе ханы 104 года. По напослѣдокъ, въ разсужденіи крутизны и высокаго берега рѣки Казанки, за недостаткомъ водъ и за прочими неудобностями, за нужное почтено, оставя оной, къ населенію города искать далѣе выгоднѣйшихъ мѣстъ, гдѣ напослѣдокъ Казань и построена.

Гдѣ нынѣ пригородъ *Арскъ*, тутъ, объявляютъ татары, былъ въ древнія времена городъ, построенный ординскимъ царемъ Батыемъ, называемой Арескъ. Остатки онаго на правомъ и крутомъ берегу р. Казанки, состоящіе изъ обвалившагося вала и рва, видны и понынѣ. Они увѣряютъ, что сперва принадлежалъ онъ ординскому, а потомъ царству казанскому [1]).

Село *Царицыно*, — объ немъ жители утверждаютъ, что наименованіе свое получило отъ убитой на томъ мѣстѣ, гдѣ сіе село построено, казанской царицы преслѣдующимъ ее, бѣгущую изъ города со своими отборными нагайскими татарами, россійскимъ войскомъ.

Село *Борисоглѣбское*, о коемъ по крепостямъ сей волости явствуетъ, что на бывшей въ томъ мѣстѣ въ древности каравасвой пустошѣ, порожней землѣ, по Государеву Цареву и Великаго Князя Бориса Ѳеодоровича указу, при царствованіи ево, построено оное село Борисоглѣбское и первый храмъ Христовыхъ мучениковъ и страстотерпцевъ Бориса и Глѣба, которой снабденъ былъ отъ него всѣми утварьми церьковными и книгами, до и на строеніе ево употреблено надлѣжащее число рабочихъ и мастеровыхъ".

„Въ Спасскомъ уѣздѣ" [2]).

„Въ тритцети верстахъ ниже устья р. Камы видна падина и слѣды прежде бывшаго въ древнія времена теченія рѣки Волги, развалины столичнаго города Болгарскаго цар-

[1]) Ср. Шпилевскій, Древніе города и проч., К. 1877 г., стр. 475—479.
[2]) «Описаніе», стр. 89—94.

ства, именуемаго *Болгаръ*, состоящіе изъ четырехъ башенъ, молебныхъ храмовъ, двухъ столповъ и тритцети восми палатъ, сооруженныхъ изъ дикаго камня и кирпича. Изъ нихъ находится въ самомъ селеніи села Болгаръ палата, освященная въ церьковь, гдѣ предъ симъ былъ монастырь, называемый Болгарской, а по уничтоженіи оставшійся сказанною приходскою церковью; около ея 4 башни, круглый столпъ, здѣланный для созыванія богомольцевъ къ мечетѣ, и 3 палаты; дубовыя ступени для всходу на сей столпъ такъ отвердѣли, что здѣлались подобны камню, даже по стуку въ нихъ издаютъ они отъ себя звукъ.

Внутри земляного вала, за тѣмъ селеніемъ находящагося, разныхъ каменныхъ зданій 26, въ маломъ городкѣ 4 и за валомъ 6. *Изъ коихъ существуютъ еще и нынѣ 7 палатъ, 4 башни и 2 столпа, а прочіе уже развалились.* Примѣчательно, что въ древности тамо строенія было весьма много, ибо *и нынѣ видимо онаго въ развалинахъ верстъ на семь.* Дома были больше каменные, и въ развалинахъ сихъ находятъ много поливной свинцомъ гончарной работы черепицы, которая въ наружныхъ украшеніяхъ употреблялась, а иногда и другія разныя серебреныя и золотыя вещи, между коими найденный образъ Чудотворца Николая помѣщенъ въ церкви с. Болгаръ, предъ которымъ пріѣжжающіе изъ разныхъ мѣстъ богомольцы служатъ молебны. Находятся также и высѣченныя на камняхъ надгробныя на разныхъ языкахъ восточныхъ народовъ надписи. Сіи остатки древности съ трехъ сторонъ окружаются довольно обширнымъ семиугольнымъ валомъ и рвомъ. На немъ съ полуденной стороны небольшой, вокругъ обнесенный таковыми жъ, особенный малый городокъ, а съ северной обтѣкаетъ рѣка Меленка, гдѣ состоитъ сказанное село Болгары, при которыхъ находился селитреный заводъ, нынѣ уже уничтоженной. Земля на сихъ мѣстахъ вся изрыта, а, особливо, — гдѣ похоронялись мертвыхъ тѣла и были надгробныя на камняхъ надписи. На развалины каждогодно весною великое стѣченіе бываетъ татаръ. Они, почитая храмы

и гробы праотцевъ своихъ, да и сіе мѣсто, — священными, воздаютъ имъ свое почитаніе и, праздпуя, живутъ тутъ съ женами и съ дѣтьми по цѣлой недѣлѣ.

Болгары, или Боогардъ, по объявленію бытописателя господина Татищева, раззоренъ отъ татаръ въ 1234 году, а потомъ въ 1500 году въ конецъ опустошенъ. Въ опытѣ Казанской исторіи упоминается, что первыя жилища Болгаръ были около Помераніи и моря Балтійскаго, откуда вышедъ съ оружіемъ, остановились въ пространныхъ мѣстахъ около р. Волги и назвались отъ нея Волгарами, а потомъ Болгарами. Побывши тутъ, одна часть изъ нихъ вышла на Дунай и пробралась во Ѳракію около 390 г. по Р. Х., а оставшаяся на мѣстѣ утѣснялась татарами.

Скиѳская исторія повѣствуетъ, что, отъ того времени сими странами, кои назывались Болгары и Заволжская Орда, по обѣ стороны р. Волги татара овладѣвъ, тамо поселились; выстроилъ ордынскій или болгарскій царь Батый многіе города, какъ то: Болгары, Балыматъ, Кумань, Корсунъ, Туру, Казань, Арскъ, Гормиръ, Арнагъ, Сарай Великій и Чалдай. основалъ тамо и царство Ординское, которое татары назвали Большою, а русскіе Золотою Ордою [1]).

Въ 20 верстахъ отъ сихъ остатковъ древности, на лѣвомъ берегу р. Бездны, видно земляное укрѣпленіе, со всѣхъ сторонъ окружающееся валомъ и рвомъ, оставшимся отъ прежде существовавшаго въ древности на семъ мѣстѣ одного изъ городовъ Болгарскаго царства. На ономъ мѣстѣ нынѣ новоучрежденный городъ *Спасскъ*“ [2]).

---

[1]) Ср. описаніе Болгарскаго городища у Шпилевскаго, op. cit., стр. 195—298; описаніе Милковича заслуживаетъ вниманія, какъ занимающее среднее, по времени, мѣсто между описаніями Палласа и Лепехина—и Эрдмана и Свиньина (1771 гг.—20-е года нынѣшн. стол.).

[2]) Шпилевскій, op. cit., стр. 329.

„Въ Чистопольскомъ уѣздѣ“ [1]).

„Въ одной верстѣ и 300 саженяхъ отъ р. Черемшана, къ полуденной сторонѣ, по рѣчкѣ Биляркѣ, находится укрѣпленіе, состоящее изъ земляного вала фигурою многоугольника, имѣющаго 23 неправильныхъ угла. Валъ при въѣздѣ въ городъ довольно еще высокъ, и, гдѣ были ворота, по обѣ стороны оныхъ пробитъ пушечными выстрѣлами, въ протчихъ же мѣстахъ отъ долголѣтія опустился, и къ западной сторонѣ лежащая часть застроена дворами пригорода *Билярска* жителей. Видны въ немъ знаки бывшаго жилища, и окружность ево простирается на 8 верстъ. Къ полунощной сторонѣ, за рѣкою Черемшаномъ, разстояніемъ отъ сказаннаго укрѣпленія въ 1 верстѣ и 60 саженяхъ находятся нѣкоторые признаки, состоящіе изъ небольшихъ двухъ земляныхъ валовъ и рвовъ, имѣющихъ фигуру треугольника. Къ послѣднему примыкаются развалины каменныхъ древнѣйшихъ зданій, изъ коихъ, такъ какъ татара объявляютъ, видны остатки главной мечети, построенной изъ дикаго сераго камня, вышиною до двухъ саженъ; около ея находятся бывшіе дворецъ и палаты вельможъ, складенныя изъ кирпича, каковыя замѣтить можно по вырытой съ верху землѣ и очисченномъ дернѣ, коими они, отъ древнихъ лѣтъ заросшія, покрыты были. Нынѣ жителями Билярска въ сихъ мѣстахъ берутся изъ-подъ дерну кирпичи и известь для дѣланія печей и бѣленія оныхъ, а потому сіи остатки древности и обнаружились. Сіи обнаруженныя каменныя развалины простираются въ длину на 250 и въ ширину на 200 саженъ. Находятся также и остатки высѣченныхъ на камняхъ подписей, которыя отъ древнихъ временъ почти всѣ загладились; а многіе крѣпкіе камни съ надписями увезены неподалеку оттуда жившимъ помѣщикомъ Арбузовымъ и употреблены въ фундаментъ подъ построенную въ ево селѣ Арбузовкѣ деревянную церковь.

---

[1]) «Описаніе», стр. 95—103.

Неподалеку отъ оныхъ и гробы татарами признаваемыхъ святыхъ, изъ коихъ за рѣкою Черемшаномъ въ 3 в. отъ Билярска, въ небольшомъ оврагѣ, могила, и надъ нею надгробный камень зеленаго цвѣта, татарскаго святого Мазлюмъ-Хозя называемаго; камень по слабому своему составу почти весь разсыпался, и остались одни только обломки. Татара ѣздятъ на оныя для поклоненія и каждогодно въ маѣ мѣсяцѣ по три дни празднуютъ. Сіе мѣсто называется *Балангъ-гусъ*. Сказанныя земляныя укрѣпленія и развалины окружаются пространною равниною, по которой находятся признаки бывшихъ жилищъ. Оное признается быть остаткомъ отъ древнихъ Болгаръ. Что самое и названіе Билярскъ, или Буляры, подтверждаетъ, кое отъ татаръ Болгарамъ прилагалось, да и понынѣ еще прилагается. Находящіеся по мѣстамъ остатки черепицы, разной глиняной посуды и горшковъ, для варенія въ печахъ пищи употребляющихся, доказываютъ, что тутъ не одни только татара въ древности жили, но и другіе народы, которые въ горшкахъ, а не въ котлахъ, такъ какъ татара, приготовляли себѣ пищу. Въ исторіи Казанскихъ татаръ описывается, что въ прежнія времена имѣлъ тамо свою резиденцію изъ роду ординскихъ или болгарскихъ царей, называемый Умуръ-Ханъ, правительствовалъ надъ живущими во оныхъ народами и былъ ихъ самовладѣтельнымъ ханомъ, а потомъ и его потомки. Послѣдній царь былъ Чингисъ-Ханъ. При его владѣніи Аксакъ Тимиромъ сей городъ осажденъ, держанъ въ осадѣ семь лѣтъ, напослѣдокъ взятъ и до основанія раззоренъ [1]). Въ семъ уѣздѣ находятся еще слѣдующія земляныя осыпи и остатки древности:

Въ самомъ жительствѣ деревни *Новой Ахметовой*—земляной круглый городокъ; длина и ширина простирается до 70 саженъ: окружаютъ его 3 вала и 3 глубокіе рва, которые, хотя отъ древности лѣтъ и заросли, но рвы отъ 3 до 5

---

[1]) Ср. Шпилевскій, op. cit., стр. 349—357.

аршинъ имѣютъ глубины и понынѣ; съ четырехъ сторонъ въ него въѣзды. Манускрипты татарскіе доказываютъ, что тутъ имѣлъ свою резиденцію Гирей-Ханъ, правительствовалъ подданнымъ ему народомъ, а потомъ и ево потомки, до паденія Болгарскаго царства. Какъ въ городкѣ, такъ и вкругъ (н)его, видны знаки бывшаго жительства. Съ одной стороны при городкѣ течетъ рѣчка Мураса, а съ другой—рѣчка Гирей, которая, какъ и городокъ, по-татарски именуются по имени сего хана: Гирей-Илга и Гирей-Кала, т. е. Гирей-рѣчка и Гирей-городъ [1]). Въ 5 верстахъ отъ деревень *Верхней* и *Нижней Качеевыхъ*, при рѣкѣ Малой Иги, находится обширный земляной городъ, окружающійся тремя высокими валами и рвами. Какъ въ немъ, такъ и вкругъ ево, видны признаки прежде бывшаго не малаго жительства.

Кто изъ самовладѣтельныхъ ханов имѣлъ въ немъ пребываніе, въ татарскихъ лѣтописцахъ не значится; но жители сихъ мѣстъ удостовѣряютъ, что онъ принадлежалъ нѣкоему самовладѣтельному хану, ибо сказываютъ они, что уѣздные города въ древности укрѣплялись однимъ только валомъ и рвомъ, а резиденціи царей татарскихъ—тремя валами и тремя рвами [2]).

Близь *д. Щербень* — съ двухъ сторонъ валомъ и рвомъ окружающійся круглой земляной городокъ, по теченію рѣчки Щербень по правой сторонѣ, длиною 90, шириною 63 сажени. Татара сказываютъ, что оный называется Щербень, отъ коего и деревня ихъ наименованіе свое получила. Неподалеку отъ него и другое таковое же земляное укрѣпленіе, а около ихъ на немаломъ пространствѣ признаки бывшаго строенія, остатки камней и кирпича, выпахиваютъ также довольно и желѣзныхъ разныхъ орудій [3]).

---

[1]) Ibid., стр. 347—349.
[2]) Ibid., стр. 345.
[3]) Ibid., стр. 366—367.

Имѣются въ дачахъ деревень *Татарскаго Керемета*, *Тарханки* и *Ендуруски* три земляные городка; 1-й—при рѣчкѣ Кереметь, 2-й—при рѣчкѣ Малой Опшъ, называемой по чувашски Хирь-Хола, т. е. дѣвичей городокъ, съ глубокимъ рвомъ и высокимъ валомъ, длиною 60 и шириною 50 саженъ. Чуваша утверждаютъ, что въ немъ имѣла свое пребываніе нѣкая дѣвица, дочь Болгарскаго царя; 3-й—при рѣчкѣ Сулчѣ, также круглой, съ валомъ и рвомъ. Оный городокъ чуваша называютъ Хола вырнъ кереметь: они вѣруютъ, что со временъ опустошенія ево поселился въ немъ и имѣетъ свое пребываніе ихъ злотворное божество, называемое на ихъ языкѣ Кереметь, которому страждущіе изъ нихъ разными болѣзнями о освобожденіи отъ оныхъ приносятъ жертвы [1]).

Въ 6 верстахъ отъ г. Чистополя, на нагорномъ берегу р. Камы, находятся между двухъ великихъ овраговъ 3 вала и 3 рва, въ нѣкоторомъ одинъ отъ другого разстояніи. Въономъ укрѣпленіи видны признаки бывшаго строенія. На семъ мѣстѣ былъ въ древности городъ, извѣстный по исторіи, называемой *Жукотинъ*; — въ растояніи 300 саженъ отъ него находится село Жукотино, доказывающее существованіе онаго" [2]).

„Въ свіяжскомъ уѣздѣ" [3]).

„При татарской деревнѣ *Тавлинь*, на крутомъ и высокомъ холмѣ, находятся признаки бывшаго въ старыя времена укрѣпленія. Жители объявляютъ, что въ окрестностяхъ онаго выпахиваютъ на поляхъ черепицу, кирпичи, разныя желѣзныя орудія, какъ то: копьи большія и малыя со стрѣлъ, бердыши, топоры и прочія желѣзныя вещи. Сказываютъ они, что по словеснымъ преданіямъ отъ ихъ предковъ имъ извѣстно, въ древности на семъ мѣстѣ существовалъ городъ, въ коемъ вре-

[1]) Ibid., стр. 367—368.
[2]) Ibid., стр. 402—407.
[3]) «Описаніе», стр. 103—106.

менное пребываніе имѣли казанскіе татарскіе цари. Сіе нѣкоторымъ образомъ подтверждаетъ и имѣющаяся у тамошняго помѣщика, гвардіи прапорщика Есипова, жалованная грамота, въ коей значится, что въ сихъ мѣстахъ состояла казанскаго нѣкоего царя Махмета-Аминя земля [1]).

Да и въ прочихъ многихъ мѣстахъ имѣются осыпи и земляныя укрѣпленія. Но какіе тѣ были города, кѣмъ построены, кто въ нихъ жилъ, и изъ сихъ городовъ которой точно въ старыя времена существовалъ? О всемъ томъ знаніе древность изъ памяти человѣческой истребила.

Въ дачахъ деревень *Сеитовой* и *Маматкозиной* имѣется населителей сихъ деревень, почитаемыхъ татарами святыми, имянуемыхъ Сеитъ-Кози и Маметъ-Кози, на горахъ надгробныя съ надписьми на могилахъ камни. Имъ татара, какъ бы особо Богу угодившимъ, воздаютъ свое почитаніе, и гора въ дачѣ д. Сеитовой, на которой онаго Сеитъ-Кози кладбище, по-татарски мазаръ называемое, мазарскою горою именуется и понынѣ" [2]).

„Чрезъ вышесказанныя мѣста въ древности проведенъ былъ не малый валъ и ровъ, начинающійся отъ рѣкиИку, протекающей чрезъ Уфимскую губернію, и отъ бывшей на правомъ берегу башкирской деревни Козиной. Проходилъ онъ чрезъ пригородки: Шешминскъ, вышесказанный Билярскъ, Тіинскъ, Бѣлой Яръ; чрезъ города: Симбирскъ, Тагай, Карсунъ, Тамбовъ, Козловъ, Ломовъ, Костоянъ, Воронежъ и прочіе, до самыхъ прежде бывшихъ турецкихъ границъ. Остатки сего вала и рва во всѣхъ мѣстахъ существуютъ еще и понынѣ. Былъ онъ зделанъ по повелѣнію царя Іоанна Васильевича въ XVI столѣтіи и служилъ защитою отъ набѣговъ на Россію разныхъ восточныхъ народовъ.

---

[1]) Ср. Шпилевскій, op. cit., стр. 490.
[2]) Ibid., стр. 489—490.

Въ *Мамадышевскомъ* и частію въ *Казанскомъ* уѣздахъ также видны и понынѣ на поставленныхъ при дорогахъ камняхъ высѣченныя надписи, о коихъ татара сказываютъ, что это были надгробныя надписи тамо имѣвшихъ свое пребываніе болгарскихъ именитыхъ вельможъ. Но древность обстоятельное обо всемъ томъ знаніе изъ памяти ихъ истребила; ибо точки, по коимъ они, такъ какъ и всѣ восточные народы, письмена свои читаютъ, отъ долговременности на камняхъ загладились.

Находятся также въ степныхъ мѣстахъ высокіе, но не слишкомъ обширные, холмы, или земляные бугры, называемые *нагайскими могилами*; объ нихъ татара сказываютъ, что тутъ погребались въ старыя времена тѣла ординскихъ хановъ и именитыхъ вельможъ“ [1]).

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

„Расположеніе древняго города Казани, которое она дѣйствительно имѣла въ 1552 году, когда показаннымъ здѣсь образомъ оступлена Россійскимъ войскомъ и 2 октября тогоже года взята была. Собрано изъ древнихъ манускриптовъ, преданій и прилежнѣйшихъ изслѣдованій на мѣстахъ еще находимыхъ малыхъ остатковъ.

Окружность древняго города Казани при существованіи татарскихъ царей, по вѣрнѣйшимъ средствамъ найдено, что во время взятія онаго царемъ Іоанномъ Васильевичемъ дѣйствительно въ такомъ расположеніи была, какъ на планѣ стѣною съ башнями и воротами означается.

Относительно царскаго дворца и мизгитей, поколику ихъ давно уже нѣтъ, по произволенію здѣсь назначено; но однако на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ они тогда находились. Часть стѣны кремля, къ востоку по косогору лежащая, и часть Бу-

---

[1]) «Описаніе», стр. 106—108.

лака въ своемъ тогдашнемъ теченіи при самой крѣпости показаны. Тезицкой ровъ, означенный на планѣ, и нынѣ предъ Спасскими воротами находится. Мѣстоположеніе отъ Волги до города и вкругъ онаго съ математическою точностью снято.

Сочиненъ въ меньшемъ видѣ съ плана, каковой отыскаться могъ въ Семіозерной пустынѣ по смерти Преосвященнѣйшаго митрополита Веніамина, посвятившаго препроводить во оной послѣдніе дни своей жизни уединенно, лѣснаго стата землемѣромъ титулярнымъ совѣтникомъ Мильковичемъ 1804 года".

„Изъясненіе литеръ, выставленныхъ на планѣ.

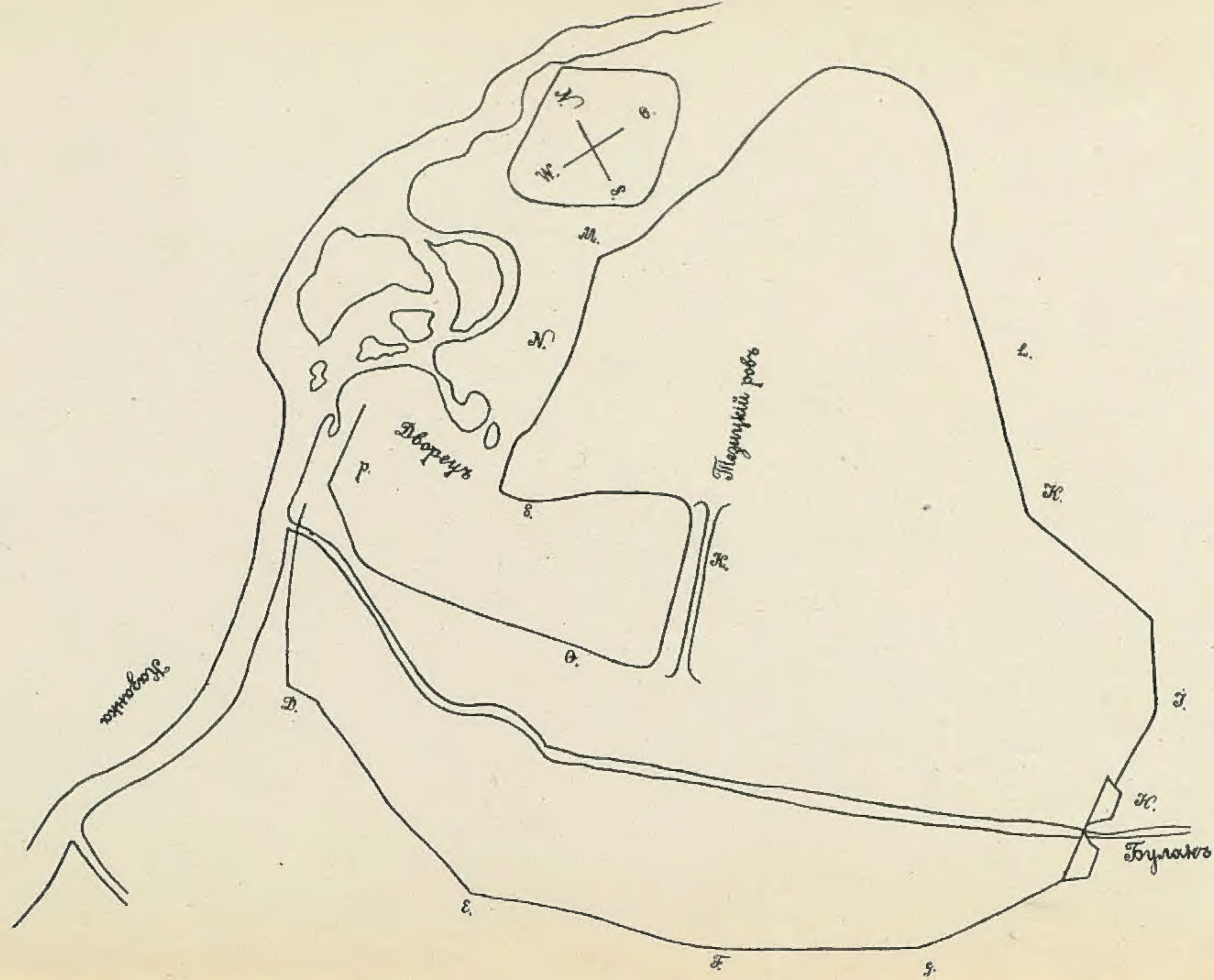
Названіе воротъ въ древности существовавшихъ:

D—Тюменскія.
E—Аталыновы.
F—Крымскія.
G—Царевы.
H—двѣ боевыя башни или бойницы.
I—Нагайскія.
K—Воскресенскія.
L—Арскія.
M—Кайбацкія.
N—Збойлевыя.
O—Елбугины.

Въ кремлѣ ворота:
P—Муралеевы.
Q—Ногайскія.
R—Царевы.
S—Дмитріевскія.

NB: Нѣкоторыя ворота въ деревянной крѣпости съ противолежащими въ кремлѣ одинаковое имѣли названіе".

В. Борисовъ.

Казанка
Дворецъ
Тезицкій ровъ
Булакъ

